

Борис Пастернак за фортепиано.
Фото из архивов музея и фонда «Юрятин»

Уже «Марбург» написан. Эти стихи даже отцу понравились: в этой вещи есть живописность, есть Преображение, тайна есть. «Я вышел на площадь...», понятно, от Маяковского:

Я вышел на площадь.

Выжженный квартал

Надел на голову, как рыжий парик...

Недаром же Маяк знал наизусть «Марбург», а одно четверостишие считал совершенно гениальным:

В тот день всю тебя,

от гребёнок до ног,

Как трагик в провинции

драму Шекспирову,

Носил я с собою и знал назубок,

Шатался по городу и репетировал.

Сам Пастернак другое считал лучшим из раннего — «На пароходе». Место действия — Пермь, пароход у любимовской пристани; белая ночь, отражения в воде; сумрак подслушивает разговор в кают-компании.

Туман поднимается над большой рекой, и проступает сквозь него, как град небесный, узнаваемый силуэт города с ломаным контуром домов, со шпилем колокольни кафедрального собора. Время остановлено в городе Юрятине, он же Пермь, в том его месте, называемом

любимовским садиком, он же козий загон, где сходятся речной и железнодорожный вокзалы, а точнее, на борту парохода, пришвартованного к любимовской пристани...

Пастернак нещадно переделывал ранние стихи, но «На пароходе» 1916 года он не тронул и читал его на послевоенных вечерах. Оно волшебное, это стихотворение. Кажется, что в руках влюблённого юноши кинокамера. Мы видим всё, что происходит в кают-компании, на поверхности реки, в «городе, стоящем на верху горы»:

Дальний план:

Был утренник. Сводило челюсти,

И шелест листьев был как бред.

Синее оперенья селезня

Сверкал за Камою рассвет.

Кают-компания:

Гремели блюда у буфетчика.

Лакей зевал, сочтя судки.

Камера скользит по воде:

В реке, на высоте подсвечника,

Кишмя кишели светляки.

Оказывается, это отражение огней города:

Они свисали ниткой искристой

С прибрежных улиц...

Крупный план:

Било три.

Лакей салфеткой тщился выскрести

На бронзу всплывший стеарин...

Опять по воде:

Седой молвой, ползущей исстари,

Ночной былиной камыша

Под Пермь, на брize,

в быстром бисере

Фонарной ряби Кама шла.

Волной захлёбываясь, на волос

От затопленья, за суда

Ныряла и светильней плавала

В лампаде камских волн звезда...

За столом:

Держа в руке бокал, вы суженным

Зрочком следили за игрой

Обмолвок, вившихся за ужином,

Но вас не привлекал их рой.

Вы к былям звали собеседника,

К волне до вас прошедших дней,

Чтобы последнею отцединкой

Последней капли кануть в ней...

Качается пароход, качается камера, от строчек тянет утренним холодком.

А дальше — неопиcуемая операторская разработка для камеры Урусевского:

Был утренник. Сводило челюсти,

И шелест листьев был как бред.

Синее оперенья селезня

Сверкал за Камою рассвет.